

Меч Руматы

Важных тем, о которых хотелось бы рассказать, было в последние дни предостаточно – от споров типа «Найди десять отличий Медведева от Путина» (В. Познер «Времена» и В. Третьяков «Что делать?») и «Что, мне больше всех надо, что ли?» в «Профессия – репортёр» на НТВ до «жёлтых» тем вроде перечисления бывших и настоящих поп-звезд, заслуженно повидавших небо в клетку.

Что-то было интересно, от чего-то – горько и больно, особенно от одичания общества, способного равнодушно пройти мимо не людей, избивающих девушку, или упавшего с сердечным приступом инвалида войны. Невыносимо было слушать бабулек, завсегдаев лавочек у подъезда, безмятежно рассказывавших корреспонденту о педофиле, который ежедневно на их глазах водил к себе малолетних девочек. Похоже, пожилым дамам очень нравилось, что их снимают для телевидения, греха за собой они не чувствовали: разве их касалось то, что происходило?

Но обратила на себя внимание и тема, мало затрагиваемая на телевидении. – проблема научно-фантастической литературы и того, что теперь называется английским словом «фэнтези». Нет-нет, количественно этого добра у нас что в литературе, что на экране – выше крыши. А вот новых Стругацких что-то не видать. В этом плане интересно интервью, что недавно на «Пятом» в программе «Личные вещи» Андрей Максимов провёл с известным писателем-фантастом Сергеем Лукьяненко, тем самым, что написал «Ночной дозор». Я не поклонник его творчества, но беседа с ним показала, что собеседник из него лучше, чем писатель.

А ведь тут есть над чем задуматься. Для чего, собственно, нам нужны описания событий, которые не происходили и произойти не могут? Кому интересны все эти вампиры и оборотни? А ведь интересно, иначе кто бы всё это печатал? По-видимому, прав Лукьяненко: вряд ли существуют оборотни, превращающиеся по ночам в волков, но люди, ведущие себя, как волки, увы, живут среди нас. И все знают про вампиров, которые сосут нашу кровь пусть не в буквальном смысле, отчего, однако, переносить их общество едва ли легче. Так что подобные произведения не что иное, как гиперболы, черпающие материал из реальной жизни.

Другая тема – освоение космоса. Зачем вообще мы полезли в космос, что, у нас на земле делать нечего? Говорят, что это помогает совершенствовать технику, которая нужна не только на небе. Правильно, но этого мало. Лукьяненко полагает, что человек интуитивно стремится к расширению территории. Тоже верно, тем более что земля уже сегодня становится нам тесна. И всё-таки, думается, всё ещё важнее. Ведь познать себя можно, только сравнивая с кем-то ещё. Человечеству позарез нужен кто-то, поняв кого, оно поймёт и себя.

Мы так постыдно мало знаем о себе, потому что нам не с кем себя сравнить! Вот почему нам так любопытен мир человекообразных обезьян, дельфинов и прочих осьминогов, да и остальных животных: у всех мы пытаемся увидеть что-то, что помогло бы нам увидеть новое в себе. А космос обещает нам знакомство с существами, неизмеримо выше братьев наших меньших. Не то чтобы мы были уверены, что таковые существуют, но так хочется верить, что они есть! А если мы их искать не будем, то, может, и упустим шанс с ними познакомиться. Вот нынче и католическая церковь не склонна отрицать возможность иных миров, что, по её мнению, несколько не мешает истинной вере. Православная ветвь христианства пока остаётся на прежних позициях, но, похоже, воинствовать на эту тему не собирается.

Конечно, отмечалось на передаче, кто их там знает, что за существа эти инопланетяне, как бы не наклепать беду на свою... голову. Лукьяненко прав: вряд ли они столь уж кровожадные, но их представления о добре и справедливости могут оказаться такими непохожими на наши, что мало не покажется.

И другая опасность: мы так испаковали свою планету, что пусти нас в космос, мы там такое натворить можем... Так что, кто знает, может, в эту минуту инопланетяне смотрят на нас и говорят: не-е-е-т, с такими мы знакомиться погодим. вот через пару тысяч лет вернёмся к этому вопросу, а пока будем к ним летать инкогнито на наших блюдах... В этом смысле в иных произведениях фантастики можно усмотреть отражение человеческих мечтаний, надежд на то, что окончательно мир мы всё-таки не испортим.

Обсуждали на передаче и способность фантастики предсказывать будущее. Вот в этом месте собеседники согласились, что перспективы у нас бледные. Помните, как Воланд подтрунивал над Берлиозом: разве вы можете планировать судьбу, если даже не знаете, что станет с миром через какую-нибудь тысячу лет? Практически ничего из технических достижений фантасты ещё не предсказали, даже Жюль Верн и тот всего лишь развивал то, что при его жизни уже было открыто и придумано инженерами. А что до предсказания событий, то тут всё ещё хуже: риск ошибиться куда выше, чем возможность угадать. Какое там тысячелетие! Вот вы можете точно сказать, что с нами будет через несколько лет, если у нас с одного места исчезнет желвак от нефтяной иглы?

Но, думается, на передаче всё-таки – по понятным причинам – не говорили о самой важной стороне фантастики, той, что прославила Рэя Брэдбери, Станислава Лема и братьев Стругацких. Великие фантасты в своих произведениях проигрывали зловещие варианты будущего и предупреждали о возможных опасностях, грозящих человечеству. И опасности эти отнюдь не были призрачными, придуманными для развлечения праздного ума.

Брэдбери описал жуткую грядущую картину торжества развлекательного телевидения, которое в техническом смысле достигло совершенства и полностью вытеснило мысль. Мир у него достиг материального благополучия, люди только нажимают кнопки, так что думать уже не надо. Поэтому по миру рыщут пожарные, сжигающие книги, ибо книги, не дай Бог, научат людей снова мыслить. И горе тому, кого схватят с книгой в руках. Последние интеллигенты прячутся в тайниках, а так как книги хранить смертельно опасно, заучили их наизусть, каждый по одной книге. Сейчас, когда книг в магазинах и библиотеках столько, сколько их в России не было никогда, и когда настоящие шедевры пылятся на полках, а бывшие читатели часами сидят, вперившись в «ящик», и до слёз «ржут» над пошлейшими шутками всех этих «мастеров разговорного жанра», старик Брэдбери всё чаще приходит на ум. Книги, правда, пока вроде бы не сжигают, но жутко уже становится.

А в фантастическом романе Стругацких «Трудно быть Богом» отважный и умный рыцарь из будущих веков Румата посылается на некую планету, где тёмным замученным народом правит дикая смесь из феодалов и фашистов. Пославшие Румату могущест-

болы, черпающе материал из реальной жизни.

Другая тема — освоение космоса. Зачем вообще мы полезли в космос, что, у нас на земле делать нечего? Говорят, что это помогает совершенствовать технику, которая нужна не только на небе. Правильно, но этого мало. Лукьяненко полагает, что человек интуитивно стремится к расширению территории. Тоже верно, тем более что земля уже сегодня становится нам тесна. И всё-таки, думается, всё ещё важнее. Ведь познать себя можно, только сравнивая с кем-то ещё. Человечеству позарез нужен кто-то, поняв кого, оно поймёт и себя.

Мы так постыдно мало знаем о себе, потому что нам не с кем себя сравнить! Вот почему нам так любопытен мир человекообразных обезьян, дельфинов и прочих осьминогов, да и остальных животных: у всех мы пытаемся увидеть что-то, что помогло бы нам увидеть новое в себе. А космос обещает нам знакомство с существами, неизмеримо выше братьев наших меньших. Не то чтобы мы были уверены, что таковые существуют, но так хочется верить, что они есть! А если мы их искать не будем, то, может, и упустим шанс с ними познакомиться. Вот нынче и католическая церковь не склонна отрицать возможность иных миров, что, по её мнению, нисколько не мешает истинной вере. Православная ветвь христианства пока остаётся на прежних позициях, но, похоже, воинствовать на эту тему не собирается.

Конечно, отмечалось на передаче, кто их там знает, что за существа эти инопланетяне, как бы не наклепать беду на свою... голову. Лукьяненко прав: вряд ли они столь уж кровожадные, но их представления о добре и справедливости могут оказаться такими непохожими на наши, что мало не покажется.

И другая опасность: мы так испакостили свою планету, что пусти нас в космос, мы там такое натворить можем... Так, что, кто знает, может, в эту минуту инопланетяне смотрят на нас и говорят: не-е-е-т, с такими мы знакомиться погодим. вот через пару тысяч лет вернёмся к этому вопросу, а пока будем к ним летать инкогнито на наших блюдах... В этом смысле в иных произведениях фантастики можно усмотреть отражение человеческих мечтаний, надежд на то, что окончательно мир мы всё-таки не испортим.

Обсуждали на передаче и способность фантастики предсказывать будущее. Вот в этом месте собеседники согласились, что перспективы у нас бледные. Помните, как Воланд подтрунивал над Берлиозом: разве вы можете планировать судьбу, если даже не знаете, что станет с миром через какую-нибудь тысячу лет? Практически ничего из технических достижений фантасты ещё не предсказали, даже Жюль Верн и тот всего лишь развивал то, что при его жизни уже было открыто и придумано инженерами. А что до предсказания событий, то тут всё еще хуже: риск ошибиться куда выше, чем возможность угадать. Какое там тысячелетие! Вот вы можете точно сказать, что с нами будет через несколько лет, если у нас с одного места исчезнет желвак от нефтяной иглы?

Но, думается, на передаче всё-таки — по понятным причинам — не говорили о самой важной стороне фантастики, той, что прославила Рэя Брэдбери, Станислава Лема и братьев Стругацких. Великие фантасты в своих произведениях проигрывали зловещие варианты будущего и предупреждали о возможных опасностях, грозящих человечеству. И опасности эти отнюдь не были призрачными, придуманными для развлечения праздного ума.

Брэдбери описал жуткую грядущую картину торжества развлекательного телевидения, которое в техническом смысле добилось совершенства и полностью вытеснило мысль. Мир у него достиг материального благополучия, люди только нажимают кнопки, так что думать уже не надо. Поэтому по миру рыщут пожарные, сжигающие книги, ибо книги, не дай Бог, научат людей снова мыслить. И горе тому, кого схватят с книгой в руках. Последние интеллигенты прячутся в тайниках, а так как книги хранить смертельно опасно, заучили их наизусть, каждый по одной книге. Сейчас, когда книг в магазинах и библиотеках столько, сколько их в России не было никогда, и когда настоящие шедевры пылятся на полках, а бывшие читатели часами сидят, вперившись в «ящик», и до слёз «ржут» над пошлейшими шутками всех этих «мастеров разговорного жанра», старик Брэдбери всё чаще приходит на ум. Книги, правда, пока вроде бы не сжигают, но жутко уже становится.

А в фантастическом романе Стругацких «Трудно быть Богом» отважный и умный рыцарь из будущих веков Румата посылаётся на некую планету, где тёмным замученным народом правит дикая смесь из феодалов и фашистов. Пославшие Румату могущественные силы с самыми лучшими намерениями дают ему неограниченную власть над людьми. Чтобы помочь угнетённым, он может всё: уничтожить человечество и поселить на планете новых людей, может лишить его памяти и дать ему новое мышление, может одну половину заставить перебить другую. Короче, он получает права Бога. И, перебрав все варианты, понимает, что сделать не может ничего, ибо люди на этой планете не готовы к новой жизни, а просто их убивать было бы неоправданной жестокостью. Помочь несчастным можно только постепенно, поколениями приучая их к свободе и демократии. Поняв это, Румата гибнет, с мечом в руках защищая свою возлюбленную. Это всё, что он в состоянии сделать.

Тут на память приходит булгаковское «Собачье сердце», один из самых антисоветских романов, написанных на русском языке: тоже ведь доказательство того, что сходу, с размаху переделать человека — дело гиблое, и все попытки мигом создать «новую личность» обречены на провал.

За своё творчество Сергей Лукьяненко получил роскошный приз — «меч Руматы» — подлинный меч, между прочим, который присуждается за романтико-героические произведения. Не читал такие его книги, но, судя по его высказываниям, приз не вполне заслуженный. Румата не был героическим романтиком, как не таковы и его создатели. Братья Стругацкие — мудрые философы, как никто понимающие проблемы нашего времени.

Вот почему они — великие, а прочие фантасты — просто писатели, хорошие и так себе.

Владимир ЖЕЛЬВИС,
профессор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.